

УДК 130.2

А. В. Шперлинь

Новосибирский институт повышения квалификации
и переподготовки работников
Красный пр., 2, Новосибирск, 630007, Россия
E-mail: abo-1969@mail.ru

ГУМАНИЗМ И МОНЕТАРИЗМ: НОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ ТОТАЛИТАРНОГО МЫШЛЕНИЯ

Понятие гуманизма в наши дни превратилось в универсальный принцип, лежащий в основе современной западной цивилизации, претендующей на глобальную всеобщность и непрерываемость. Гуманизм сегодня понимается как самая передовая и прогрессивная идеология, признак демократичности и цивилизованности, дающая право на вступление в развитое, неолиберальное общество. С одной стороны, есть видимое благородство гуманистических идеалов, долгое время бывших основой развития человечества и являвших собой передовой взгляд на окружающий мир, человека и общество, утверждающий права и достоинство личности и ценность индивидуальной человеческой жизни. С другой стороны, сегодняшняя неолиберальная версия гуманизма – это инструмент социального контроля и управления, ведущий к унификации мира и устранению его сложности и неопределенности, с целью построения «нового экономического порядка», вследствие чего можно говорить о выросшем из гуманистического проекта неолиберальном тоталитаризме, как возможной тенденции развития современной цивилизации.

Ключевые слова: гуманизм, монетаризм, тоталитаризм, неолиберализм, толерантность, политкорректность, постсовременность, общество, деньги, идеология.

Неолиберализм как часть «постиндустриального» мифа весьма активно пропагандирует сказочную идею о том, что рыночные отношения и частная собственность гарантируют процветание, свободу и демократию и потому являются конечной и непревзойденной формой развития человечества. Позволим себе усомниться, хотя бы на том основании, что история рыночных отношений дала целый букет откровенно тоталитарных режимов, а сам неолиберализм настойчиво навязывает человеку донельзя упрощенную и унифицированную «массовую культуру» и унифицируемую, массовую модель неолиберального экономического развития, что ведет как к слову традиционных ценностей и способов осмысления реальности, так и к уничтожению разнообразия экономических, культурных и вообще смысловых укладов. Неолиберализм можно по-разному определять, но важнее то, как он воплощается в жизнь и что является его основой. В случае наших заметок мы ставим вопрос таким образом: что есть его идеологическая опора?

Постсовременное, неолиберальное общество, как и всякое общество, остро нуждается в своей идеологии хотя бы и для оправдания своих действий и факта собственного существования. Стараниями лучших умов искомая твердая почва в хаосе жизненной неопределенности наконец-то достигнута. Скажем спасибо экзистенциалистам, монетаристам и иже с ними за свое счастливое детство и за обеспеченное настоящее, и облегченно выдохнем. Свершилось! Идея гуманизма победила, на большей части земного шара, а если еще где-то есть недоработки, так эмиссары кока-колы уже пакуют чемоданы.

Времена мракобесия надличностных ценностей канули в лету, и теперь никто и ничто не мешает человеку жить, трудиться и потреблять (кстати, ключевое слово), как он сам считает нужным, глядя на необозримый и полный бескрайних возможностей неолиберальный мир с высоты своей частной колокольни и своих личных (святое для гуманизма слово) интересов. Ну еще бы, всяк человек есть личность и все личности рав-

ны. (Ницше плачет на могиле Кьеркегора). Даешь каждому презерватив, ноутбук, айпад и тостер. А также право на множественный оргазм, хлеба и зрелищ, и счастье самореализации в свободном труде. Ну, в смысле, чтобы финансовая прибыль имела тенденцию к самоувеличению. Категории подвига и страсти не предлагать в силу низкой конвертируемости данных понятий. В общем, жить стало легче, жить стало веселей, а также богаче, комфортней, разнообразней и интересней. Опять же равенство возможностей при разнообразии выборов и свобода индивидуальности при отсутствии ограничений.

Так в чем же при такой благодати суть, загадка и подвох гуманизма? Попробуем разобраться, не претендуя, однако, на истину в последней инстанции, но используя свое право на выражение личного мнения. Плюрализм так плюрализм. Неолиберализм железной поступью триумфально шагает по миру и представляется его теоретиками как единственно возможная форма существования человека и общества. Этот подход представляет нам рынок как единственно возможную модель человеческих отношений. И объяснение того, что во всех причинах человеческого поведения кроется исключительно экономический интерес. Весьма занятно, однако низведение мотивов человеческой деятельности к экономической выгоде и личному интересу сложно назвать вершиной развития человеческого общества и апогеем социальной эволюции. Поистине странный апогей, весьма напоминающий тупик. Нет, Т. Гоббс не был неолибералом, хотя он то, пожалуй, был бы доволен. При таком подходе уже не человек управляет ходом рыночных отношений, а, наоборот, рынок решает, каким быть человеку.

Что мы и имеем счастье наблюдать сегодня при полной вере большинства в справедливость и обоснованность подобного рода отношений. «Стремление к материальному благополучию видится единственно возможным уделом человечества, а сам человек – неустанным искателем наивысшей личной выгоды во всех областях своего существования; и нет такой области этого существования, которая бы не могла стать местом устремлений к наивысшему личному удовлетворению. И в том, что мы называем неолиберализмом, эта вера достигла сегодня своего апогея» [Бодрийяр, 2003. С. 6]

Когда-то в далекие времена, когда властвовала мрачная тирания долга, человек был зажат в тисках надличностных ценностей, и деспотизм обязанности вынуждал его ориентироваться на абстрактные идеалы героизма, самопожертвования и страсти. В те дикие времена как свобода, так и личность были пустыми понятиями, а про «права человека» и «самореализацию» никто даже и не слышал.

Так вот тогда человек был полностью подчинен обществу, и это, конечно, была тюрьма духа и потемки души. А также эксплуатация, угнетение и никакой демократии, а по части самореализации только толстые книжки, да и то под бдительным оком недремлющей цензуры. А те светлые головы, что призывали к высоким идеалам гуманизма, если не были своевременно сожжены инквизицией и прочими реакционными силами, то благополучно пали в различных совершенно нетолерантных религиозных войнах, захватнических походах и прочих неполиткорректных межнациональных склоках.

Так бы и существовал человек в тотальной несвободе, но своевременно его бурная энергия нашла себе точку приложения в иной сфере, менее жертвенной, но более прибыльной. Пришла эра капитализма, начался деловитый поиск идей, более соответствующих изменившейся реальности. Капитализму нужны были рабочие руки, желательны дешевые, и потребители, желательны не насыщаемые, причем и то и другое требовалось на добровольной основе. Нашлись титаны мысли (не до всех дотянулись цепкие руки Торквемады), указавшие путь к простому человеческому счастью и доходчиво объяснившие всем одурманенным устаревшими идеями, что личность – высшая ценность, а свобода личности – высшая цель. А также что все равны в своих правах по праву рождения, абсолютно свободны и каждый сам за себя.

Пьянящий воздух экономической свободы настолько быстро и по-детски не критично был воспринят гуманистически сориентированным индивидом, что мгновенно вскружил ему голову. Вместе с тиранией Господина были отброшены и изрядно надоевшие, и здорово мешающие зарабатывать, потреблять и самореализовываться господские ценности, а затем и интересы общества. И это абсолютно справедливо,

ведь не может же оно бесконечно диктовать свою волю свободному человеку. Главное, чтобы не были задеты интересы свободной личности, в чем есть суть гуманизма и «прав человека». И вот есть собрание свободных личностей, а общества как такового нет. Правда, как ни странно, враги у него есть, видимо из числа реакционных, темных сил, упрямо не понимающих прогрессивности передовых и свободолюбивых гуманистических идей.

Промывка мозгов изнутри с целью верного ориентирования в окружающем пространстве при активном содействии общественного мнения, религии и господствующей идеологии во все времена была важным аспектом государственного управления. Но тут на помощь капитализму, как основе и двигателю нового государственного порядка, пришел сам человек. Освобожденный от традиции, религии, морали, да и от здравого смысла, он создал унылое подобие идеологии: гуманизм, усиленно помогая новому экономическому порядку внушать человеку, что смысл его жизни не в служении, самопожертвовании и подвиге, а в индивидуализации, «самореализации» и личностном росте. А если сказать несколько иначе, в товарном потреблении, карьерной реализации и материальной успешности, т. е., в конечном счете, в деньгах.

«Только путем использования идей свободы личности в борьбе против чрезмерного вмешательства и излишнего регулирования со стороны государства капиталистический класс мог защитить и даже упрочить собственную позицию. Неoliberalизм прекрасно годился для этой идеологической задачи. Но в качестве опоры ему требовалась практическая стратегия, которая подчеркивала важность свободы потребительского выбора, и не только в отношении определенных продуктов, но и в отношении стиля жизни, средств самовыражения и ряда культурных действий. И с политической, и с экономической точек зрения neoliberalизация требовала создания neoliberalной массовой культуры, основанной на рыночных принципах, поддерживающей дифференцированный консюмеризм и индивидуальные свободы» [Харви, 2007. С. 62].

Вот уж поистине, если бы гуманизма не было, его следовало бы придумать. В XX в. гуманизм в его предельной монетарной версии оформился в идеологическую опору не-

олиберализма. До состояния гремучей смеси он был дополнен туманными и благостными идеалами толерантности и политкорректности, в результате чего neoliberalный, монетарный гуманизм стал новой религией общества потребления.

И вот сегодня мы можем повторить вслед за Сартром, что «экзистенциализм – это гуманизм», и, развивая его озорную мысль до конца, высказать свою, отметив, что сегодня «гуманизм – это тоталитаризм». Нет, это не оговорка – именно тоталитаризм. Потому что гуманизм это не только унификация, как справедливо отмечает Р. В. Шамолин [2010], но это еще, и прежде всего, диктатура. Диктатура одномерности, успешности, гедонизма и утилитаризма. Гуманизм не просто снимает с человека «ограничения его индивидуально-определенного бытия и предлагает ему бытие универсума» [Там же. С. 34]. Нет, он не позволяет ему иметь эти самые ограничения, наличие ограничений для гуманистического умонстроения пугающе неполиткорректны, они идут в разрез с общим течением neoliberalной (монетарной) мысли, задевают апатично-толерантных окружающих. Читай: их интересы, среди которых до конца определенным является именно экономический. А главное, индивидуальные, «идиотические» особенности создают помеху в налаженной трансляции денежного потока и построении схем достижения успешности.

То, что современному человеку настойчиво навязывается под видом гуманизма, есть не более, чем искусно созданный миф, призванный польстить воспаленному самолюбию ослепленного от количества иллюзорных свобод и неограниченных ничем возможностей индивида. Идеей гуманизма пытаются идеологически прикрыть попытку оправдания существующего «нового экономического порядка», гибкого и неуловимого синтеза политики и власти экономического интереса. Создается эфемерная иллюзия, будто происходящее не просто отражает интересы господствующей глобальной корпоративности, а является выражением человеческих чаяний, как будто это не экономика, политика и идеологическая доктрина, а естественный, всецело позитивный, объективно происходящий процесс эволюции человечества. Именно гуманизм сегодня используется в качестве одного из основных средств камуфляжа тотальной

диктатуры рынка и давления экономического типа мышления в глобальном измерении.

Сегодняшний человек в своем увлечении пафосом гуманистических идей поддается иллюзиям об их реальности. Блажен, кто верует, конечно, но частные иллюзии в данном случае – это стойкое отражение широких общественных тенденций. И как блаженных, так и верующих в блажь все больше и больше. Реальность же, на наш взгляд, такова, что современный политический, экономический, идеологический и эстетический мейнстрим с целью повсеместного установления «нового экономического порядка» усиленно навязывает миру «новую идеологию», и она куда опасней прежних. Эта ободряющая, соблазнительная, гибко трансформирующаяся и вечно ускользающая «новая идеология», идеология потребительского террора и монетарного фетишизма, гуманистического «антропоцентризма», доходящего до самолюбования, бесхребетной политкорректности и бесконечной и бессмысленной модернизации. За этой идеологией стоит мир перманентного финансового кризиса и личностного отчуждения; тотальной «фабрики сознания», идеально унифицирующей как мысль, так и тело; никем и ничем неограниченного свободного выбора и полного благосостояния, но в «кредит». А после нас хоть потоп.

Современная идеология, несмотря на ее видимую мягкость и чарующую соблазнительность, куда более бескомпромиссна и тоталитарна, чем жесткие идеологические построения прошлых времен. Этот размытый и вечно ускользающий, нами же созданный и нами же отчуждаемый конструкт обладает не только силой неперсонафицированной всеобщности, но и высокоточным и технически совершенным инструментарием подчинения. Сегодняшний тоталитаризм – это не архаичная форма репрессивных действий и свойство уstraшенного поведения, а новая особенность «продвинутого», «позитивного» мышления; он не нуждается в персонафицированном личностном образе вождя, партии или класса. Тоталитаризм неолиберального общества не зафиксирован нигде конкретно, кроме наших умов, но благодаря этому он присутствует повсюду и всегда. Тоталитарное подчинение и управление происходит сегодня не на основе страха, а на основе желания.

О такой мягкой удавке режимы прошлого не могли даже мечтать. Причем следует отметить, что современный индивид толкает в нее голову добровольно и с мажорной песней, да еще и благодарит при этом судьбу за предоставленную ему возможность.

Для тоталитаризма любых времен свойственно то, что он принимается глубоко и некритично, а затем полностью и бесповоротно разделяется всеми слоями общества. Мягкость толерантного, гуманистически ориентированного мышления способствует формированию духа стадного индивидуализма, а именно стадность есть основная черта тоталитаризма, как в сфере идеологии и мышления, так и в сфере поведения. Как традиционно понимаемый, так и новый тоталитаризм основаны на «зависимости мозгов», достигаемой сегодня за счет информационных посланий со стороны демократических институтов и поддерживающего их общественного мнения.

Растиражировано мнение о том, что тоталитаризм присущ исключительно фашистским и коммунистическим режимам, а в последнее время к «миру зла» добавился мусульманский мир с фактором исламской угрозы, а затем, надо полагать, добавятся имеющие наглость быть оставшиеся (пока) традиционно ориентированные общества. И есть глубокая убежденность, что общества, разделяющие идеалы либеральной демократии, не могут иметь с тоталитаризмом ничего общего. Такие взгляды есть не просто прекраснородушное заблуждение, но хорошо продуманный идеологический обман. Тоталитаризм в своей новой неолиберально-гуманистической форме, вряд ли (надежда) потребует воссоздания воспитательных институтов по типу ГУЛАГа, хотя уже сейчас он использует весьма brutальные, жесткие методы по продвижению демократии за пределами, пока еще за пределами, «прогрессивного» мира (реальность).

Но тем не менее как и ранее, он действует и будет действовать по принципу разделения на своих и чужих, уничтожая и преследуя всякое другое, непохожее, отличное, насильственно навязывая свое, как мнение, так и поведение, уничтожая чужую свободу и право выбора, отличающееся от его экономически целесообразного и демократически легитимированного выбора. И если одной из предпосылок тоталитаризма модернистского общества является психология

винтика иерархизированной механистической системы, то новый тоталитаризм не-олиберального общества основывается, помимо всего прочего, на индивидуалистской «психологии» толерантно мыслящего и успешно действующего андроида, заботливо и с пользой для дела выращенного гуманистическим проектом.

Именно так в своем развитии гуманизм, возведенный в абсолюте и доведенный до абсурда, перерождается в тоталитаризм, доходя до своего предсказуемого логического завершения.

Гуманизм только внешне предлагает бытие универсума, на самом деле он весьма жестко навязывает свой универсальный проект и сурово карает за отказ от этого дара. Бог гуманизма суров и неумолим; он не прощает отступления в виде увлечений трансцендентными ценностями и неизменными принципами, а особенно еретических раздумий по поводу «проклятых вопросов». Наличие ценностей и принципов есть опасное свободомыслие, угрожающее стабильности неопределенности и размытости, так помогающих современному Большому Брату управлять и продавать, кредитовать и приумножать. Сегодняшний диктатор уже не машет плетью. Лучшая плеть получается не из сыромятных ремней, а из денежных купюр. Тоталитаризму больше не нужно подавлять и преследовать, достаточно рекламировать и кредитовать. Да, Большой Брат сегодня работает в банке, в отделе потребительского или ипотечного кредитования.

Трансцендентные ценности есть рудиментарные теории для новой идеологии? Вне сомнений. Их, кстати, ранее еще именовали идеалами, если вы помните. Ах, вы помните, так постарайтесь позабыть как можно скорее. С такими настроениями вам прямая дорога в аутсайдеры. Потому, что кроме идеалов конвертировать вам будет нечего. Р. В. Шамолин, рассуждая о путях развития гуманизма в современном обществе, говорит о том, что: «количество вещей (идей), которые не подлежат обмену, должно быть минимальным» [2010. С. 34]. Нет, вовсе не должно быть вещей (идей), не подлежащих обмену или товарно-денежной оценке. В неолиберальном обществе восторжествовавшего гуманизма допустимо существование только одного критерия оценки, единой универсальной цели и цен-

ности, единственного унифицированного и унифицирующего кода кодов, позволяющего оценивать и интерпретировать человеческие ценности, цели и поступки, и это, конечно же, деньги. «Любой имидж имеет четкое денежное выражение. Если даже он подчеркнута некоммерческий, то сразу возникает вопрос, насколько коммерчески ценен такой тип некоммерциализированности. Отсюда и знакомое любому чувство, что все упирается в деньги. И действительно, все упирается в деньги, потому что деньги давно уперлись сами в себя, а остальное запрещено» [Пелевин, 1999. С. 118].

Бог гуманизма – суровый бог, он не приемлет сомнений и не прощает колебаний, все должно иметь свою цену. Ты или с нами, или в отстойнике принципиальных идеалистов-неудачников, непонимающих всего пафоса абсолютной ценности гуманизма, выраженной в необходимости постоянного увеличения своих «условных единиц». Для того чтобы быть, сегодня нужно быть «в теме», а кто не «в теме», тот против нас.

Совершенно точным видится высказывание о том, что «...поскольку существует универсально конвертируемая единица всякого обмена – деньги, то продолжение тезиса очевидно, – человеческий универсум не нуждается в том, что нельзя выразить через деньги» [Шамолин, 2010. С. 34]. Вот только сегодня мы уже имеем дело с логикой обратного порядка. Одним из свойств денег является присутствующая в них способность к самопроизводству и самовосполнению; деньги более самодостаточны, чем мы думаем. Сегодня деньгам пока еще нужен человек, в основном в качестве обслуживающего персонала и конечного потребителя. И гуманизм как самый удачный коммерческий проект XX в. оказал услугу монетаризму, да простят меня экономисты за столь вольную трактовку термина, когда освободил человека от каких бы то ни было экзистенциальных пределов и указал ему отчетливые и достижимые ориентиры мысли и действия. Что и упало благодатным дождем на почву денежного дерева пост-современности. Но недалеко то время, когда люди станут деньгам уже не нужны, финансовые потоки превосходно смогут существовать и без них, так и тянет сказать «наконец-то».

Для денег сегодня нет необходимости прикрываться неким символом всех воз-

возможностей и выступать в качестве универсального знака всех вещей и отношений, как в архаичные времена традиционных ценностей. Зачем? Когда сейчас, как уже говорилось выше, присутствует логика обратного порядка, согласно которой, наоборот, все наблюдаемые явления и мыслимые возможности окружающего мира символизируют собой деньги. Не остается более ничего свободного и самодостаточного даже в сфере биологических инстинктов и бессознательных драйвов. Все пытается предстать символом денег: «...секс все чаще оказывается привлекательным потому, что символизирует жизненную энергию, которая может быть трансформирована в деньги, а не наоборот» [Пелевин, 1999. С. 115]. Все же ранний Пелевин был весьма не плох.

В силу того, что деньги современной эпохи, по причине своей особой универсальности, не несут за собой никакого конкретного содержания, они совершают изящный социально-экономический кульбит, превращаясь в пустой знак, которому можно приписать любые означаемые и означающие.

И потому мы видим сегодня, что деньги означают лишь свою собственную реальность, если угодно, независимую реальность денег, вовсе не ожидая подтверждений по поводу своего соответствия или несоответствия в качестве знаков реальностям экономического роста, рынка труда и прочих классических составляющих капиталистического общества. Как утверждал Ж. Бодрийяр: «...деньги – это первый “товар”, получивший статус знака и неподвластный потребительной стоимости... Но сегодня деньги делают новый шаг – становятся неподвластны даже и меновой стоимости. Освободившись от самого рынка, они превращаются в автономный симуляр, не отягощенный никакими сообщениями никаким меновым значением, ставший сам по себе сообщением и обменивающийся сам в себе... Они больше не являются всеобщим эквивалентом, то есть все еще опосредующей абстракцией рынка. Они просто обращаются быстрее всего остального и не измеримы с остальным» [2009. С. 76].

Синтез гуманистических идей и монетарных устремлений порождает новую систему ценностей, основой которой выступает стремление к успеху и вера в счастливый случай. Однако данная система ценностей

с одной стороны, полна мистической веры в удачу, а с другой, в то же время, абсолютно прагматично оценивает особенности текущей реальности. Создается атмосфера размытой, фрагментарной, неопределенной и прерывистой среды и индивидов, существующих в ней, преследующих утилитарно-прагматические цели и для достижения успеха использующие технологически гибкий инструментарий. Успех понимается здесь как результат достижения некоего желанного целевого предела, а не-достижение следует считать позорным поражением. Современное общество одновременно рационализирует и поэтизирует, объективирует и мистифицирует, актуализирует и мифологизирует и, в конечном счете, эксплуатирует успех в качестве основной и самой желанной цели жизнедеятельности человека. Символом успеха в неолиберальном, монетарном, гуманистическом обществе становятся деньги, а носителем успешности – гуманитарно настроенная, политкорректная и внутренне апатичная в своей выученной толерантности, монетарно-озабоченная личность.

Гуманизм со свойственным ему изяществом и человеколюбием бескровно разрешает известную дилемму отношений Господина и Раба. В пользу монетарных интересов и на благо экономической целесообразности. А что, кто-то думал, что он примет чью-то сторону? Ну что вы, данная позиция грешит принципиальностью, а принципы, как мы знаем, противоречат плюрализму мнений и толерантности оценок, что приводит к риску неопределенности финансовой стабильности, а этого вида неопределенности гуманизм не переносит. Раб побеждает Господина не в труде и уж тем более не в схватке. Раб одерживает верх в тот момент, когда Господин примеряет на себя одежды гуманизма и политкорректности. Закройщиком этих цепких, неснимаемых одежек был старый знакомый Прокруст, и, похоже, ему недурно заплатили за новую коллекцию.

Будучи законченным идеалистом-неудачником, донельзя испорченным архаичными идеалами и находящимся в плену экзистенциальных пределов и ограничений, я имею наглость быть убежденным в том, что: ценности гуманизма – это ценности раба, идеал гуманизма – стадо, цель гуманизма – тотальное пастбище. Да, стадные жвачные целеустремленно шагают и в своих строевых

порядках бывают весьма жестоки, но человек гуманизма не может быть Танцующим на Краю. Просто не дано.

Если рассмотреть последовательность экзистенциализм – гуманизм – тоталитаризм, то значит ли это, что человек все более становится обреченным на тотальную несвободу? Значит ли это, что его будущее в утилитарном пространстве монетарных интересов, экономической целесообразности и финансовой успешности? В круге «дурной бесконечности» успешности и потребления? Не знаю. Но думаю, что пока он способен задаваться «проклятыми вопросами», у него еще есть шанс отдать жизнь за свои глупые идеалы, непрактичные ценности и за свою эфемерную и недостижимую свободу.

Список литературы

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2009.

Пелевин В. О. Generation «П». М.: Вагриус, 1999.

Харви Д. Краткая история неолиберализма. М.: Поколение, 2007.

Шамолин Р. В. Неопределенность как стратегия унификации // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Психология. 2010. Т. 4, вып. 2. С. 33–35.

Материал поступил в редколлегию 12.02.2012

A. V. Shperlin

HUMANISM AND MONETARISM: A NEW IDEOLOGY TOTALITARIAN THINKING

The today's neoliberal version of humanism is an instrument of social control and management leading to unification of the world and elimination of its complexity and uncertainty for the purpose of «the new economic order» creating. Hereupon, it is possible to speak about neoliberal totalitarianism grown of humanistic project, as the possible tendency of modern civilization development.

Keywords: humanism, monetarism, totalitarianism, neoliberalism, tolerance, political correctness, postmodernity, society, money, ideology.